

УДК 81:1,81. 242

Е.В. Кишина

СМЫСЛОВАЯ МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ «СВОЁ – ЧУЖОЕ» НА УРОВНЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА *

На материале политических дискурсов разных временных лет (советского и постсоветского периодов) выделяются сущностные признаки феномена «своё – чужое» в политической коммуникации. Предпринята попытка построения смысловой модели «своего – чужого» в политических текстах.

Ключевые слова: политическая коммуникация, категория «своё – чужое», манипулятивная функция языка, советский политический дискурс.

В современной научной парадигме осмыслением оппозиции «своё – чужое» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний. «Своё – чужое» подвергается научной рефлексии с позиций разных теоретико-методологических подходов.

Фундаментальный характер «свойственности – чуждости» как отражение онтологической бинарности мироустройства обуславливает широкую репрезентативность выделяемого образования. Коммуникативная гибкость «свойственности – чуждости» основана на прагматической и социальной сущности данного феномена: членение мира на сферы «своё» и «чужое» осуществляется субъектом познания, категоризирующим мир относительно себя. Социологизированная сущность познающего субъекта мотивирует категоризацию по принципу «своё – чужое» как с позиций индивидуализированного Я, так и с позиции социальной группы.

Разноуровневая категоризация наделяет нетождественным характером отождествляемые денотаты: с позиций **Я** категоризации подвергаются объекты реальной действительности и ментальные образования, обладающие определёнными личностно-ценностными смыслами; с позиций совокупного **МЫ** такому членению подвергаются различные образования социально-ценностного характера. Двуплоскостность категориальной модели вербализируется на уровне двух типов дискурсов – личностного и социального.

В группе дискурсов, раскрывающих социологизированную сущность «свойственности – чуждости», особое место занимает политический дискурс, возводящий «свойственность – чуждость» в ранг социально-политических отношений. Специфика «свойственности – чуждости» в политической коммуникации предопределяется сущностными признаками политического дискурса как такового (институциональный характер, интенциональная направленность (борьба за власть), доминирование манипулятивной функции и т.д.).

В политических дискурсах в качестве категоризирующего субъекта выступает статусно-ролевое **МЫ**, членившее мир на «своё» и «чужое» с соци-

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ моб. ст. №08-06-90717.

ально-прагматических позиций. В качестве объектов реальности, по отношению к которым категоризирующий субъект определяет расположение компонентов «своё – чужое», начинают выступать различного рода объединения (общественно-политические группы, партии, нации, страны) либо отдельные объекты как носители определённых социально-политических признаков (политические оппоненты, противники, представители иных социальных группировок).

Видоизменение денотативного ядра категории приводит к трансформации аксиологической направленности данной группировки. Ценностные установки познающего субъекта, формирующие категориальные сферы «своё – чужое» на уровне личностно-ориентированного дискурса, перерастают в прагматико-манипулятивные установки, организующие пространство политического дискурса. Подобная модификация наделяет «свойственность – чуждость» манипулятивным и регулятивным характером.

Семантико-ценностные параметры «свойственности – чуждости», проявляющиеся в прагматическом противопоставлении компонентов политической деятельности, переводят рассматриваемую оппозицию в разряд ядерных образований политической коммуникации. «Оппозиция «свой – чужие» определяет специфику политического, так же как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» – в области эстетического... любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к данной оппозиции» [1. С. 22].

Манипулятивно-прагматический потенциал «свойственности – чуждости», обуславливающий ведущую роль данной группировки в построении конвенциональных стереотипов, речевых тактик и стратегий, политических мифов, неоднократно подчёркивался лингвистами: «бинарная оппозиция «свой – чужой» составляет основу идеологического компонента значения, присущего идеологемам» [2. С. 91]; «...оппозиция «мы – они» является одним из важнейших средств консолидации социума» [3. С. 7]. При этом подобные идеи высказываются как лингвистами, так и социологами, политологами, определяющими базовую роль «своё – чужое» и производных от неё образований («друг – враг», «мы – они») в общественно-политической жизни Российского государства (А.Н. Цуладзе, Б.Ф. Ерасов, Б.В. Дубин, О.Г. Погонина и др.).

К сожалению, данные замечания носят, как правило, частный характер. В ходе анализа политических текстов лингвисты выделяют в ряду других смежных явлений доминирующую роль оппозиции «своё – чужое», что приводит к её интерпретации как понятийно-смыслового ядра политической коммуникации. Подобное положение, с одной стороны, подчёркивает широкую репрезентативность «своего – чужого» в политической коммуникации, а с другой – актуализирует необходимость его научного осмысления. Одним из возможных направлений в данном случае представляется выявление собственно языковой сущности категории «свойственность – чуждость» в политических дискурсах.

Насколько нам известно, работы, выполненные в данном аспекте, в лингвистике немногочисленны. Среди них особого внимания заслуживают

монография Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» (Волгоград, 2000) и диссертационное исследование О.Л. Михалёвой «Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия» (Кемерово, 2004). Авторы данных работ, не ставя перед собой конкретной задачи исследования феномена «свое – чужое» в политической коммуникации, тем не менее уделяют внимание языковой организации оппозиции «свое – чужое». Речь идёт прежде всего об экспликации семантики «свое – чужое» в политических дискурсах.

Е.И. Шейгал, признавая «свое – чужое» «базовой семиотической оппозицией политического дискурса», говорит об эксплицитных и имплицитных формах репрезентативности данного противопоставления: «...в политическом дискурсе оппозиция «свои – чужие» реализуется как имплицитно, при помощи специальных маркёров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчёркнутую этикетность или антиэтикетность, а также целенаправленным подбором положительно или отрицательно оценочной лексики» [1. С. 122]. В качестве «специализированных» вербальных единиц выделяются «знаки интеграции» (инклюзивное «мы», лексемы совместности, формулы причастности и т.д.) и «знаки вербальной агрессии» (дейктические слова, единицы с отчуждающей семантикой, оценочная лексика).

О.Л. Михалёва рассматривает экспликацию «свое – чужое» в политической коммуникации на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, прагматическом и т.д. Небезынтересным в данном отношении представляется выделение автором «отчуждающих и очуждающих номинаций, характеризующих противника и его личную сферу как «чужой мир» [4. С. 17].

Таким образом, характеризуя состояние проблемы в целом, приходится констатировать, что в настоящее время при общей признанности доминирующей роли «свойственности – чуждости» в политической коммуникации языковая сущность данной оппозиции остаётся малоосвоенной. Один из возможных путей решения данной проблемы – выделение смысловой модели «свойственности – чуждости» в политической коммуникации.

«Свойственность – чуждость» как модель связывается с условным представлением о некотором сферическом пространстве, представляющем собой конфигурацию центральных и периферийных компонентов. Подобная экспликация структурированности поля основывается на когнитивной интерпретации организации категорий как образований, обладающих прототипической структурой с размытыми границами.

Дуалистический характер анализируемой группировки предопределяет выделение двух основных структурных компонентов – сферы «свое» и сферы «чужое», базирующихся вокруг фигуры говорящего. Ядром семантической общности категории является субъект речи – Я, оценивающий мир относительно себя. Разнообразные явления, входящие в личную сферу субъекта речи, формируют сферу «свое». То, что выходит за пределы личной сферы говорящего, образует пространство сферы «чужое».

Выделенные компоненты занимают разное положение в структурной модели «свойственности – чуждости». Иерархичность модели обусловлена

разной степенью соотнесённости содержания компонентов с фигурой говорящего. Конституентом поля, образующим центр категории, является элемент «свое» как репрезентант личной сферы субъекта речи. Соответственно, элемент «чужое» как выразитель всего того, что не входит в личную сферу говорящего, дистанцируется от ядра категории.

Говоря об организованности категории «свое – чужое», следует иметь в виду двухчастную структуру с сегментным делением и иерархической организацией структурных компонентов. Внутри каждой категориальной сферы, представляющей собой диффузную структуру (центр – периферия), возможна дальнейшая многоаспектная дифференциация.

Так, в зависимости от характера противопоставления сфера «чужое» может быть разделена на территориальный, социальный, этнический, конфессиональный и другие сегменты, которые, в свою очередь, занимают различные позиции внутри одного компонента и отличаются внутренней структурированностью. Например, элемент, отражающий социальную чуждость, подразделяется на ряд групп, основу которых составляет противопоставление по социальному статусу, материальному положению, роду деятельности и т.д.

Непосредственная связь «свойственности – чуждости» с категориями времени и пространства (индивид оценивает явления с точки зрения локальной и временной соположенности) мотивирует выделение в структуре категории соответствующих векторов.

В ходе конкретно-языковой интерпретации гипотетическая модель модифицируется и коррелируется. Категориальные сферы «свое – чужое» в политическом дискурсе наполняются содержанием, репрезентирующим социально-политическую модель общества и стереотипы восприятия социального мироустройства. Формирование категориальных сфер «свое – чужое» в публицистике во многом обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения / разобщения себя с другими представителями социума по разным основаниям, базовыми из которых являются:

- 1) социальный статус;
- 2) политическая позиция;
- 3) этнический фактор.

Характер интенциональной направленности политических дискурсов мотивирует участие каждого из выделенных образований в содержательном наполнении как сфер «свое», так и сфер «чужое». Позиция субъекта политической коммуникации, отражающая категоризацию мира по принципу «свое – чужое», координирует структурную амбивалентность данных групп. Социальные, политические, этнические факторы могут являться как содержательными конструктами сферы «свое» (*мы, рабочие, учителя, крестьяне, коммунисты, патриоты, русские люди*), так и сферы «чужое» (*чиновники, правящий класс, лжедемократы, левые, зюгановцы, фашисты, лица кавказской национальности*).

Содержательная амбивалентность модели «свойственности – чуждости» сопряжена с динамичным, подвижным характером рассматриваемого образования. Различные этапы становления и развития общественного соз-

нения модифицируют смысловое наполнение категориальных сфер «свое – чужое».

В средствах массовой информации советского периода членение мира на сферы «свое – чужое» по социальному, политическому и этническому факторам являлось репрезентантом единства нации, её сплочённости и монолитности (*нерушимое единство партии и народа, морально-политическое единство советского народа, общенародное государство, интернациональное братство, братская солидарность*). Участие же данных процессов в формировании диаметрально противоположной сферы «чуждость» носит дискретный характер.

Политическая ситуация обуславливает акцентуализацию прежде всего политического фактора при формировании категориальной сферы «чуждость», то есть неприятия Советским государством позиции отчуждаемых, враждебно настроенных стран (*толстосумы-антикоммунисты, антисоветские элементы, империалистические агрессоры, враги советской власти*) и представителей советского социума, не согласных с господствующей идеологией (*диссиденты, идейные враги, беспартийцы, политические диверсанты, пособники антисоветских деяний, предатели*). Категоризация мира сквозь призму политических мотивов подчёркивает доминирующий в этот период идеологизированный характер отчуждения.

Формирование сферы «чуждость» по социальному основанию базируется на принципах социально-ценностной регуляции. В качестве отчуждаемых объектов выступают советские люди, нарушившие нормы общественной жизни (*пьяницы, стяжатели, тунеядцы, хулиганы, приспособленцы, воры*).

Отчуждение по этническому признаку в доперестроечной политической коммуникации практически элиминировано. Идеологическая позиция Советского государства, одним из принципов которой был принцип братства и единства со всеми народами, мотивирует отнесение данного образования к категориальным репрезентантам сферы «свое» (*единение стран, братское сотрудничество, солидарность с народами, содружество*).

Современные политические дискурсы демонстрируют модификацию содержательных компонентов «свойственности – чуждости». Трансформация модели «свойственности – чуждости» заключается в перераспределении ядерных позиций категориальных компонентов. Ядерное положение сферы «свое» советских политических дискурсов (при ярко дуалистической организации «своего – чужого») занимает сфера «чуждость» сегодняшних политических текстов (при мозаичном характере данной группировки).

Социальные, политические, этнические признаки как базовые образования, формирующие векторы «свойственности – чуждости», получают иное смысловое наполнение в современных политических дискурсах: доминирующая сема «национальное единство» трансформируется в базовое выражение расчленённости общества. Современное российское общество в публицистических текстах последних лет предстаёт как социально гетерогенное и расчленённое по различным признакам. К примеру, социальный фактор становится конструктом целого ряда образований, репрезентирующих прежде всего социальную расчленённость людей. При этом доминирующее место в многоступенчатой общественной конфигурации занимает противопоставление двух

крупных социальных страт: «народ» и «власть». Политическое расслоение социума сводится к выделению групп «*наша партия – их партия*», «*единомышленники – оппоненты*». Этническая самоидентификация выражается в выделении группы «*русских людей, россиян*» и «*иностранцев*».

Помимо выделенных концептообразующих параметров, в современных политических дискурсах выделяются и не функционировавшие ранее образования, конструирующие сферы «свое» – «чужое». К таким единицам может быть отнесён религиозный признак, на основе которого выделяются такие конфессиональные страты, как «*мусульмане*», «*иудеи*».

Каждый из обозначенных векторов подвергается дальнейшей сегментации, их содержательное наполнение выкристаллизовывается целым рядом смысловых компонентов. Так, внутри образования «народ – власть» выделяются такие более частные группы, как «*люди труда – чиновники*», «*работяги – пустословы*», «*нищие – олигархи*», «*обыватели – бюрократы*» и т.д. При этом выделенные группы подвергаются дальнейшей категоризации по принципу «свое – чужое» («власть» → структура власти: «*верхи*» – «*местничество*» и т.д.)

Полевая организация «свойственности – чуждости» осложняется наложением пространственных и временных векторов, характерных для дискурсов различных типов. В политической коммуникации советского периода пространственная организованность по принципу «свое – чужое» касалась прежде всего противопоставления «нашего государства» идеологически чуждым нам странам. Для современных же политических дискурсов характерно не только внешнее противопоставление одного государства другому, но и противопоставление внутри страны (*Москва – периферия, центр – окраина*).

Временная соположенность мотивирует выделение образований, соотносящих настоящий момент действительности с прошлым опытом человечества. При этом сегмент «прошлое» может наделяться как семей «отчуждение» (*раньше было плохо → не наше время*), так и семей «свое» (*раньше было лучше → наше время*).

Выделенные образования относятся к ядерным структурным группам модели «свойственность – чуждость». Текстовый характер анализируемого объединения наделяет «свойственность – чуждость» рядом компонентов периферийного характера.

Таким образом, модель «свойственности – чуждости» в политическом дискурсе представляет собой иерархическое образование ярко социологизированного характера, обладающего признаками динамичности и амбивалентности компонентов.

Литература

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. 386 с.
2. Бакумова Е.В. Коммуникативные характеристики институциональных типов политиков // Социальная власть языка. Воронеж, 2001. С. 91–96.
3. Топорков А.Л. Мифы и мифологемы XX века: традиция и современное восприятие // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. М., 2004. С. 3–19.
4. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 22 с.